

Дискурсы этики. 2024, 2(22): 67—90

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/02/DE2024_2_22_67-90.pdf

УДК 17

ХЕАР Р.М.

МОРАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ: ЕГО УРОВНИ, МЕТОД И СМЫСЛ.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

статья:

поступила в редакцию 02.12.2024

принята к публикации 28.12.2024

опубликована (онлайн) 22.02.2025

© R. M. Hare 1981, Oxford University Press

Перевод на русский язык выполнен с исследовательскими целями,
коммерческое использование не допускается:

Ларионов Игорь Юрьевич

кандидат философских наук, доцент

доцент каф. философской антропологии Института философии Санкт-Петербургского
государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: i.larionov@spbu.ru

Текст перевода на русский язык доступен в соответствии с условиями лицензии Creative
Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Читателю представляется перевод 1 главы работы британского философа, одного из виднейших представителей утилитаризма, а также прескриптивизма в метаэтике XX в. Р.М. Хеара «Моральное мышление: его уровни, метод и смысл» (1981 г.). Перевод на русский язык — И.Ю. Ларионова.

Ключевые слова: Ричард Хеар, утилитаризм, моральное мышление, язык морали, логика морали, моральная интуиция, прескриптивизм.

Discourses of Ethics. 2024, 2(22): 67—90

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/02/DE2024_2_22_67-90.pdf

RICHARD MERVYN HARE

MORAL THINKING: ITS LEVELS, METHOD AND POINT

Ch. 1 («Introduction»), English into Russian Translation by Larionov Igor

received 02.12.2024

accepted 28.12.2024

published (online) 22.02.2025

© R. M. Hare 1981, Oxford University Press

The translation into Russian done for the purpose of research, no commercial use:

Igor Yu. Larionov

Candidate of Science in Philosophy, Docent

Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: i.larionov@spbu.ru

The text of the translation into Russian is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract. We offer the translation of the 1st chapter of “Moral Thinking: Its Levels, Method and Point”, the treaty by R.M. Hare who was one of the most prominent representatives of utilitarianism and prescriptivism in metaethics of the 20th century. Translation into Russian by Igor Larionov.

Keywords: Richard Hare, Utilitarianism, Moral Reasoning, Moral Language, Moral Logic, Moral Intuition, Prescriptivism.

Часть I. Уровни

Да я и сам говорю это, не то чтобы зная, а скорее предполагая и пользуясь уподоблением. Но вот что правильное мнение и знание — вещи разные, я, кажется, берусь утверждать без всяких уподоблений; ведь если я о чем скажу, что знаю это — а сказал бы я так не о многом, — то уж это я причисляю к вещам, которые я действительно знаю.

Платон. Менон. 98b

[пер. С.А. Ошерова в издании: *Платон. Собр. соч. в 4 тт. Т.1. М., 1990. С.610*]

Глава 1. Введение¹

1.1. **Е**два ли будет понято правильно, в какое мы пускаемся предприятие, если я не начну с объяснения его природы. Перед вами труд по моральной философии. К прилагательному «моральный» мы еще вернемся (см. 3.4 и сл.). Здесь же достаточно сказать, что мы часто сталкиваемся с моральными вопросами большей или меньшей остроты, и что большинство, будучи вынуждены отвечать на такие вопросы, принима-

¹ Ричард Хейр (Richard Mervyn Hare, 1919–2002) издал трактат «Моральное мышление» (“Moral Thinking”) в 1981 г. Перевод выполнен по первому изданию: Hare R.M. *Moral Thinking: Its Levels, Method and Point*. Oxford, Clarendon Press, 1981. Текст первой главы книги приводится с незначительными сокращениями — выпущены потерявшие актуальность рассуждения о логических аспектах употребления слов “ought” и “must”. Сохранена принятая Хейром система внутритекстовых ссылок. Если указаны только номера глав и параграфов (напр.: «см. 2.3»), то автор ссылается на другие разделы трактата «Моральное мышление». Расшифровку остальных обозначения см. в приводимом в конце авторском списке литературы (также являющемся частью перевода). — *прим. переводчика*

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

ются над ними размышлять. Большинство согласится с тем, что размышление такого рода — как и всякое другое — может быть проделано лучше или хуже. Задача моральной философии — помочь нам размышлять лучше. Но заявить это еще не значит сказать что-то определенно, ведь могут быть и другие способы совершенствования нашего мышления помимо занятия философией. Необходимо знать, *в каком отношении* наше моральное мышление может стать лучше, если мы будем изучать моральную философию, а также каким именно образом у философии это получается.

Очевидно, совершенствование это касается рациональности (этот концепт мы подробнее обсудим далее, см. 12.4). Мы ожидаем, что философ морали поможет нам сделать наше моральное мышление более рациональным. Утверждая это, мы предполагаем, что в таком деле, как поиск ответа на моральные вопросы, существует рациональный путь или метод, а это значит, что существуют некие предписания (*canons*) или правила морального мышления, следование которым и есть рациональное мышление. Так вот, философ морали задает вопросы о том, каковы эти предписания. Обнаруживает же он их, в первую очередь, изучая те вопросы, которые мы называем «моральными», чтобы лучше понять, что, собственно, мы спрашиваем. Нам *кажется*, что часть задаваемых нами вопросов не требуют такого предварительного исследования их природы. Например, можно утверждать, что вопрошающий, существует ли северный морской путь в Китай, прекрасно знает, о чем он спрашивает, и что положительный ответ может быть подкреплён эмпирическими открытиями. И ответ на этот вопрос будет «да», если и только если кому-то удастся обогнуть Канаду по морю и достичь Китая. То же самое относится к тем, кто спрашивает, существует ли надежный способ предупреждения простуды. Это относится и к совершенно иному вопросу: имеется ли между семью и тринадцатью некоторое простое число, — хотя в данном случае эмпирические методы и не используется.

Но я сказал *«кажется, что некоторые вопросы не требуют предварительного исследования их природы»*. Существование философии науки и философии математики указывает нам на то, что, по мнению многих

философов, которые вполне могут оказаться правыми, даже по отношению к вопросам о простуде и простых числах возможно исследование того же рода, которое мы намереваемся предпринять относительно моральных вопросов. Насколько мне известно, философии географии пока не существует, но теория знания или эпистемология, очевидно, имеет дело с трудностями, которые достаточная доля скептицизма порождает и относительно таких вопросов, как о северном морском пути в Китай.

Во всех подобного рода случаях первый шаг к рациональному ответу на вопрос — это понять его (ср. Moore 1903, vii [1.2, 1.5]), а, следовательно, — понять те слова, в которых он задан (H 1979a). Наградой за изучение смысла (meaning) и употребления этих слов станет то, что мы одновременно узнаем больше и о самих предписаниях логического мышления относительно вопросов, эти слова содержащих (LM 2.4), т.к. они, как и все остальные слова, частично или целиком обязаны своим смыслом собственным логическим свойствам². Есть такие слова, напр. слово «все», смысл которых исчерпывается их логическими свойствами. Когда мы знаем, какие заключения (inferences) мы можем обоснованно (validly) вывести из пропозиции, содержащей слово «все», или по отношению к ней, мы знаем об этом слове всё, что о нем можно знать. Узнать же смысл слова «все» значит, как минимум, сделать один шаг к тому, чтобы выяснить, какие заключения мы можем обоснованно вывести. Разумеется, чтобы человека считали знающим смысл слова «все», ему не обязательно знать всю теорию квантификации (quantification theory), систематически излагающую логику слов «все» и «некоторые». Но знание смысла этих слов как раз и дает нам основание для разработки таковой теории.

² Ср. самое свежее изложение схожей точки зрения у Селларса (Sellars 1980, 81d): «Очевидная истина, что значение логического термина (word) есть функция от его вклада в смысл (implication) предложений, в которых оно встречается. И, безусловно, не менее важно, — хотя, может быть, и не столь очевидно, — то, что это верно, по крайней мере, отчасти, в отношении значения каждого слова».

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

У других слов их логические свойства определяют только часть их смысла. Так, слова «синий» или «красный» — предикаты (или прилагательные), и это значит, что они могут занимать в предложении только место предикатов. <...>³ Ими занимается т.о. логика предикатов, причем она одна для обоих этих слов. Часть смысла таких слов проистекает из их логического свойства (поскольку они слова-предикаты), так что отчасти их смысл идентичен. Но оставшуюся часть смысла (того самого смысла, в каком «синий» отличается от «красного») они приобретают от чего-то иного, нежели их логические свойства, ибо различие между голубым и красным не сможет продемонстрировать никакая логика.

Я выдвигаю утверждение, что в моральном дискурсе (и не только в нем) наиболее общие слова,⁴ которые мы в основном и будем изучать — такие как “ought” и “must” («следует», «должно»), — в этом отношении подобны слову «все», но не словам «красный» и «голубой». Если это верно, то перед нами важнейшее фундаментальное положение, хотя оно и покажется кому-то удивительным. Если верно, что «следует» и «должно» своим смыслом целиком обязаны своим логическим свойствам, то мы, очевидно, в принципе можем путем изучения смысла этих слов и разработки соответствующей логики узнать всё о предписаниях для размышления над вопросами, заданными в этих терминах. Ниже мы определим, в какой степени все это верно.

Так или иначе, но первый шаг, который должен сделать философ морали для того, чтобы помочь нам размышлять о моральных вопросах лучше (т.е. более рационально), таков — добиться понимания смысла слов, употребленных при постановке этих вопросов. Второй шаг прямо следует за первым — разработать учение о логических свойствах слов, а, значит, и о предписаниях рационального мышления о моральных вопросах. Из этого следует, что моральная философия с формальной точ-

³ В сноске автор высказывает и разъясняет точку зрения, что структура предложений, в которых слова-предикаты занимают место субъекта-подлежащего, такова, что эти слова остаются предикатами. — *прим. переводчика*

⁴ Для краткости далее я буду называть их «моральными словами» (Н 1979е, 115).

ки зрения является частью того, что ныне часто называют философской логикой, но что только по названию отличается от прочной традиции, именуемой метафизикой. Это слово напомним нам, что работу, посвященную тем же вопросам, Кант назвал «Основы метафизики нравов».

Но было бы неверно говорить, что, чтобы размышлять о моральных вопросах лучше и рациональнее, нам достаточно заняться логикой или метафизикой. Мы избежим этой ошибки, если обратимся к трудам тех мыслителей, которые с Кантом в Новое время наряду внесли огромный вклад в понимания этих проблем, а именно — утилитаристам. Многие до сих пор полагают, что Кант и утилитаристы — два противоположных полюса моральной философии, несмотря на ряд разъяснений Джона Стюарта Милля по поводу взаимоотношений его теории с теорией Канта (Mill 1861, ch. 1, 5). Однако, как мы увидим далее, формальные, логические свойства моральных слов, пониманию которых мы преимущественно обязаны Канту, приводят к такой системе морального рассуждения (reasoning), выводы которой имеют содержание, идентичное одному из видов утилитаризма (2.6; 3.3; 6.1 и сл.). Да и сам утилитаризм составлен из двух ингредиентов — формального и содержательного, и можно перефразировать формальную составляющую так, что она звучит почти как слова Канта: между «Каждый должен считаться за одного, и никто — более чем за одного» (“everybody to count for one and nobody for more than one”) Бентама (цит. по: Mill 1861, ch.5) и «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» Канта (Kant 1785, 52) связь весьма тесная.

Но в утилитаризме остается еще и содержательный элемент. Согласно утилитаризму, для того, чтобы решить, что нам следует (ought) делать, нам нужно изучить не только логические свойства моральных слов, но также предпочтения (preferences) тех людей, которых затронут наши действия. А каковы они, — это вопрос эмпирический. Считается, что здесь Кант бы был против. Я в этом сомневаюсь, но здесь не место историческим спорам. Так или иначе, но тот вид утилитаризма, в защиту которого я буду выступать, имеет как формальный, так и содержательный

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

элементы: первый — это новая формулировка требования (requirement), что моральные принципы должны быть строго (properly) универсальными; о втором только что было сказано, он обеспечивает связь морального мышления с реальным миром. Нормативные следствия нашей утилитаристской теории — это следствия комбинации двух названных элементов. Т.е. это не очередная теория нормативной этики или очередная теория в метаэтике, но обе эти теории в одной упряжке (притом, что два элемента не следует смешивать друг с другом).

1.2. «Как далеко нас может завести логическое изучение моральных слов?» — вот один из решающих вопросов, с которым нам придется столкнуться. До какой степени в нашем моральном мышлении мы должны принимать во внимание факты того, каковы вещи и люди в мире, он есть? Должна ли моральная система для практического использования быть адекватной всем логически возможным мирам, как это следует из рассуждений некоторых философов морали (напр. Rescher 1975, 78; ср. Н 1979b, 144)? Или она будет действовать в том случае, если она адекватна условиям *именно этого* мира? Предлагаемый мною ответ будет следующим: мы можем достаточно долго ограничиваться одной только логикой — дольше, чем думают многие; однако в выборе принципов для использования в нашем мире вполне уместно обратиться к фактам, касающимся этого мира и людей в нем (3.2, 5.1, 9.9). Т.о. законченная моральная система будет зависеть как от логических, так и от эмпирических положений (theses), так что очень важно будет разобраться, что есть что.

После того, как мы отделили логические положения от эмпирических, нам следует разобраться, не существует ли в нашем моральном мышлении еще и других элементов, состоящих из единиц мышления (pieces of thinking), не связанных ни с тем, каков мир, ни с логическими свойствами слов. Важно не ошибиться в том, что я имею в виду. Некоторые философы рассуждают так, как будто существуют вопросы, называемые ими «онтологическими», которые не касаются ни логических свойств слов, ни области эмпирических фактов. Подобную возможность нам рассматривать не следует: ведь заниматься моральной философией без

онтологии (а я думаю, что так можно) гораздо проще. Я имею здесь в виду иную проблему: существуют ли помимо вопросов о логических свойствах слов и о том, каков мир, несводимые к ним *оценочные* (evaluative) или *прескриптивные* (prescriptive) вопросы, которые не могут быть решены ни через определение того, каков мир, ни через определение того, каков смысл слов? Допустим, мы сделали все возможное для открытия фактов мира, в котором осуществляется наше моральное мышление, а также для прояснения логических свойств моральных слов и т.о. для установления предписаний морального мышления; придется ли нам после этого заниматься еще чем-то, не связанным с логикой или с обнаружением фактов, чем-то, что исключительно оценочно или прескриптивно, некое действие «разумной воли» (rational will) Канта или «выбора» (choise) Аристотеля?⁵ И если это так, то сколь широка сфера действия этих элементов в нашем моральном мышлении?

В прежних работах (напр. LM 4) я настаивал на том, что такой особый элемент существует, и в этой книге я не намерен отказываться от этого мнения, хотя я совершу нечто, что может показаться, если не понять суть моих рассуждений, почти что отказом от него. Дело в том, что я буду утверждать, что, коль скоро мы принимаем совершенную власть (command) логики и фактов, то они будут ограничивать нашу моральную оценку столь сурово, что на практике мы все будем вынуждены соглашаться в одном и тем же. Выражаясь словами из названия моей предыдущей книги, свобода, которой мы располагаем как морально мыслящие существа, — есть свобода рассуждать (freedom to reason), т.е. выносить рациональную моральную оценку; правила (rules) же такого рассуждения (reasoning), определяемые концептами (concepts), оказавшимися в составе вопросов, на которые мы даем ответ, будут таковы, что в наиболее важной области морали мы, если придерживаться рацио-

⁵ Различие между аристотелевским “praktike dianoia” (близким, если не идентичным “proairesis” — «выбор») и кантовским “praktische Vernunft” (который приравнивается к воле) не столь велико, как это некоторые предполагают. См. Aristotle, 1139b 17; Kant 1785, 36.

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

нальности, станем осуществлять нашу свободу одним-единственным способом (12.6 и сл.).

Но я постараюсь показать это без введения соображений, не основанных на философской логике и которые не обоснованных при помощи ее обычных процедур. Этим метод, использованный в книге, полностью отличается от методов большинства современных моральных философов, которые на каждом шагу вызывают к собственным и, как они надеются, читательским моральным интуициям. Т.о. в обосновании правил морального рассуждения я не позволю себе сделать ни единого хода, который не могла бы одобрить философская логика. И если я в этом преисполю, моя позиция будет значительно тверже других.

<...>⁶

1.3. Прежде чем двинуться дальше, следует, пожалуй, сделать еще одно серьезное предупреждение. Только что речь шла о знании того, что слово употреблено неправильно (*misuse*), которое возникает сразу, как мы с этим сталкиваемся, и было бы очень соблазнительно сразу сделать еще один шаг — на первый взгляд незначительный, но на деле фатальный, — а именно заявить, что, научившись употреблять слова типа “ought” («следует», «должно»), мы тем самым сразу узнаем, что не следует лгать. Это будет шагом от обоснованного и плодотворного разговора о лингвистической интуиции как основании логики — к разговору о моральной интуиции как основании морального мышления, и мы допустим, тем самым, смертельную ошибку (тем более соблазнительную, поскольку имеется еще несколько «пограничных случаев», см. 1.5 и 4.3). Разумеется, моральная интуиция имеет место, и позже мною будут представлены соответствующие разъяснения; но если мы станем рассматривать ее в качестве *основания* морального мышления точно так же, как лингвистическую интуицию — как основание логики, то мы погубим все наше предприятие, и вот по каким причинам.

⁶ В оставшейся части параграфа автор сравнивает логику прескриптивных высказываний с логиками высказываний об остальных видах необходимости и опирается на «лингвистическую интуицию» как на основание знания о логических свойствах слов, логической правильности и «философской логики». — *прим. переводчика*

Решающее различие между лингвистической и моральной интуициями заключается в том, что последняя, в отличие от первой, претендует на учреждение содержания самой субстанции морали. Лингвистическая интуиция может обосновать рассуждения эмпирической лингвистики и, более тонким образом, философской логики. В первом случае носитель родного языка будет авторитетом в отношении того, как на нем говорить. Во втором случае авторитетным будет намерение (*intention*) говорящего в отношении того, как должны быть поняты его слова (что под ними подразумевается). Заявив, что «дым идет с передней или с задней стороны», он мог иметь в виду, что точно не с обеих сторон, и он сможет это пояснить. А поскольку язык служит главным образом для коммуникации между людьми, говорящие на языке обычно согласны в том, как следует воспринимать слова этого языка, причем согласие это может быть формализовано в ходе совместной дискуссии. Но отдельный говорящий на языке может употреблять слово иначе, чем остальные в его сообществе, и ему ничего не помешает, и никакой путаницы не будет, если он ясно укажет на это.

Самое существенное здесь то, что те виды интуиции, к которым апеллирует эмпирическая лингвистика и философская логика, *никогда* не могут произвести утверждений или предписаний (*precepts*) о содержании морали. В этом отношении они серьезно отличаются от моральной интуиции, хотя она, несомненно, существует, имея свое место и в нашем моральном мышлении. Например, мы чувствуем уверенность в том, что пытаться людей ради развлечения — плохо. Но нашего авторитета как носителей родного языка или нашего авторитета в отношении того, что мы подразумеваем под этими словами, недостаточно для того, чтобы установить правильность того, что мы утверждаем или предписываем (*prescribe*); этого могло бы быть достаточно, если бы мы занимались логикой или лингвистикой. Недостаточно даже коллективного авторитета нашего сообщества. Как раз тут и открывается путь к релятивизму и субъективизму, избежать которого так стараются авторы, апеллирующие к интуиции. Если кто-нибудь заявит, что мучить людей ради развлечения нормально, он будет отличаться от нас, однако не сделает ни од-

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

ной логической или лингвистической ошибки. Его ошибка, — если это вообще можно называть ошибкой, — есть содержательная моральная ошибка. Если же мы переспорим его, то это произойдет не вследствие апелляции к одной только лингвистической интуиции (конечно, ее можно использовать для выявления логики аргументации), и не вследствие апелляции к моральной интуиции (ибо она не имеет доказательной силы, и в наиболее важных моральных спорах стороны будут исходить из различных интуиций).

Апелляция к моральной интуиции совершенно не подходит в качестве основания для моральной системы. Да, можно, как это делают некоторые мыслители даже в наше время, собрать все моральные мнения, которые у них самих и их современников вызывают наибольшую уверенность, затем отыскать некий относительно простой метод или механизм, который может быть представлен как порождающий рассматриваемые мнения (в сопровождении плюс-минус правдоподобных соображений об обстоятельствах жизни), после чего заявить, что вот она, моральная система, которую мы все, поразмышляв, должны признать правильной. Однако для таких заявлений у них нет абсолютно никакого авторитета, кроме их исходных убеждений, которым не дано ни основания, ни доказательства. Они достигли «равновесия» сил, которые могли быть порождены предрассудком, и никакая рефлексия не сможет превратить их в прочное основание морали. Таким путем можно обосновать две несовместимые друг с другом системы, и это будет свидетельствовать только о том, что их защитники выросли в различном моральном окружении, но ни о чем более.

Однако после всего сказанного важно отметить, что в моральной философии имеют место случаи законного использования апелляции к общепринятым мнениям, и некоторые были мною описаны в другой работе (Н 1971с; 117).

Процедуру, которую я только что критиковал, можно представить как гипотетико-дедуктивную, как в большинстве научных исследований: следует в форме моральных принципов строить гипотезы и проверять их посредством общепринятых мнений (предварительно подвергнув их не-

которой рефлексии). Существует, однако, и другой, вполне приемлемый тип гипотетико-дедуктивной процедуры, и его следует отличать от этого неудовлетворительного. Гипотезами в этой более приемлемой процедуре будут не моральные принципы, а лингвистические гипотезы о том, что люди имеют в виду, когда используют моральные слова. Эта процедура может принимать две формы, одну из которых я только что имел в виду. В этой первой процедуре гипотезы являются лингвистическими, и данные, на которых мы их проверяем, также будут лингвистическими, а именно то, что носители языка признают данные локуции девиантными или нет. Среди видов девиаций, которые особенно интересны моральному философу в его качестве логика, — это внутреннее противоречие. Допустим, утверждается, что некое моральное слово имеет определенное значение, но мы обнаруживаем, что обычные люди всецело готовы видеть отсутствие противоречия в высказывании, противоречащим предложенному значению; тогда это будет основанием для отказа считать данное предложение предложением о том, что люди действительно имеют в виду, говоря так (хотя, конечно, можно предложить, что эти слова надо использовать по-другому).

Вторая форма этой процедуры более сложная. В ней лингвистическими остаются гипотезы, но не данные, на которых мы их проверяем. Предположим, что мы знаем о человеческих существах достаточно, чтобы быть уверенными в том, что они в большинстве своем имеют такие то желания, отвращения и т.п. Тогда, взяв за исходное эти желания, определенную гипотезу о значении моральных слов — а, следовательно, какие формы морального размышления правильны, — и принимая, далее, предположение, что в целом человеческие существа за редким исключением рассуждают правильно, мы можем вывести из гипотезы о значении [слов] предсказание, что человеческие существа в своем мышлении придут к определенным моральным выводам и, таким образом, придут к обладанию определенными моральными мнениями. И если окажется, что большинство действительно такие мнения имеют, то гипотезу о значении употребляемых ими слов, по меньшей мере, уже нельзя отвергнуть. Коротко говоря, можно будет указанные гипотезы о значении

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

слов сохранить как предварительные; и когда мы удостоверимся, что правы в отношении значения слов и того, что представляют собой человеческие существа, гипотезы эти объяснят появление у них наличествующих моральных мнений.

Заметьте, что, если мы прибегаем ко второй процедуре, то, в отличие от первой, нам не нужно предполагать, как это делают критикуемые мною философы, что моральные мнения обычных людей правильны; достаточно принять, что эти мнения суть естественное следствие того, каковы эти люди сами по себе, и исходить из гипотезы, что слова имеют определенные значения. В их рассуждениях могут даже обнаружиться разные легко допускаемые ошибки. В этих случаях мы тоже можем объяснить моральные мнения людей, сославшись на то, что они впали в одно из заблуждений, хотя и использовали слова в соответствии с тем, что установлено в гипотезе. Гипотезе тут противостоят только факты языкового поведения людей; гипотезе не повредит любое объяснение этого поведения, которое согласуется с ней и в целом приемлемо, даже если мы не постулируем правильность моральных мнений людей или их логики.

В п.4.1 будет широко применяться метод, являющийся развитием только что описанного. Можно проверять подобные лингвистические гипотезы на соответствие не тому, что люди говорят о морали (с учетом предположений об их мотивах), а имеющимся философским теориям. Возьмем определенные ошибки в отношении значения и употребления моральных слов, которые философам было бы естественно допустить, и предположим в связи с этим определенную истину в отношении моральных слов; гипотеза об этой истине выдержит важную проверку, если мы обнаружим, что эти ошибки, действительно, совершаются часто.

Следует добавить еще один допустимый вид гипотетико-дедуктивной процедуры. Она направлена на то, чтобы посредством моральных мнений людей проверить не лингвистические гипотезы, а гипотезы в области моральной антропологии. В принципе, эта процедура довольно прямолинейна: мы выдвигаем гипотезу о том, что в данном сообществе существуют определенные моральные мнения, а затем наблюдаем за язы-

ковым и другим поведением сообщества, чтобы выяснить, так ли это на самом деле. Я упомянул здесь эту процедуру только для того, чтобы указать пределы, которых мы можем достичь с помощью этой и других только что описанных приемлемых процедур наблюдения за мнениями людей и за тем, как они их выражают.

Но ни один из описанных случаев не дает возможности проверки *правильности* какого-либо морального мнения. Решив, что это допустимо, мы смешаем моральную философию с тем или иным видом эмпирической науки — напр. антропологии или лингвистики, — что и делают некоторые моральные философы (Н 1973а, ad init.).

Моей целью было выяснить, не апеллируя к моральной интуиции как к удостоверению правильности моральных суждений, какой смысл вкладывают люди в моральные слова. Только выяснив это, мы сможем позволить себе рекомендовать принять иное употребление слова. Лично я делать этого не стану, ведь мое занятие моральной философией, включая представленное в этой книге, убедило меня, что подойдут и уже существующие обычные моральные концепты, надо только их прояснить. Установив их употребление, а, тем самым, и логику морального мышления, я буду предлагать и в моральном рассуждении относительно практических проблем использовать ту же логику — в сопровождении некоторых дополнительных составляющих. В этой книге я объясняю только общее направление такого использования. Чтобы убедиться в эффективности рекомендуемого мною метода, я в других работах (см. библиографию) использовал его для решения многих практических вопросов, и, несомненно, буду делать это и в дальнейшем. И я оптимистично надеюсь, что любой читатель, который поймет этот метод, найдет его легким для применения.

1.4. Тем не менее, здесь нам следует рассмотреть одно возражение, которое часто выдвигают против такой процедуры. Каким образом, спрашивается, в качестве основания выводов относительно содержания моральных слов могут выступать посылки об их употреблении? Представляется, что это нарушает два предписания (*canons*), которые уже давно и серьезно обоснованы. Во-первых, считается общим местом,

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

что заключения о содержании вообще не могут быть выведены из посылок относительно употребления слов, и даже я сам ровно это утверждал выше. Во-вторых, если кто-то будет производить оценочные выводы из фактологических посылок об использовании слов, то это вызовет протест сторонников Закона Юма — не выводить «должное» из «сущего» (“ought”/“is”)⁷, к которым, хотя и с некоторыми оговорками, я тоже себя причисляю (Н 1977b, 468 сл.).

На первое из этих возражений отвечаю, что я не предполагал выведение заключений о содержании *из одних только* лингвистических посылок. Откуда именно появляется содержание, мы увидим ниже. Ясно сказать относительно второго возражения труднее. Я сделаю только предварительные шаги и надеюсь, что мой ответ прозвучит отчетливее после того, как будет развернута основная аргументация этой книги (12.6 сл.). Прежде всего, следует разъяснить, что речь не идет о логической дедукции моральных выводов из каких-либо фактологических посылок (4.2). Я ничего большего не предлагаю, кроме того, что через обращение к лингвистической интуиции следует установить некоторые, причем исключительно формальные предписания для рассуждения; после чего, рассуждая в соответствии с этими принципами и используя, как я только что указал, некоторые содержательные посылки, мы придем к ответам на наши моральные вопросы, однако не посредством дедукции или «линейного вывода» (linear inference) какого-либо иного вида (FR 1.6).

Разумеется, решающее значение имеет природа этих содержательных посылок. Можно возразить, что, если такой посылкой выступит неморальное, неоценочное и неперскриптивное утверждение о фактах, то, какова бы ни была логика, Закон Юма все равно будет нарушен. Если же посылки уже будут перскриптивными, вообще ничего нового не произойдет, поскольку сохранится проблема обоснования самих этих содержательных перскриптивных посылок. Обсуждать эту проблему здесь пока еще рано. Как мы увидим далее, ее решение лежит в осознании

⁷ Продолжает оставаться предметом обсуждения, что же имел в виду сам Юм в III кн. 1 ч. 1 гл. «Трактата о человеческой природе» (Hudson 1969).

того, что требование универсализуемости наших прескрипций, которое само по себе является логическим, если мы и рассуждаем морально, предполагает, что мы относимся к прескрипциям *других людей* (т.е. их желаниям, склонностям — в общем, их преференциям) так, будто они наши собственные (5.3, 6.1 сл.). Так что мы не переходим посредством логики от фактов к прескрипциям; суть в том, что после того, как нами будет удостоверен факт, что другими людьми нечто предписывается или будет предписываться, логика заставит нас рассматривать в нашем моральном рассуждении эти прескрипции наравне со своими собственными. Читатель с полным правом отнесется с подозрением к этому решению (сначала то же самое было и со мной), но я взываю к терпению и благожелательности, и, в конце концов, давайте посмотрим, работает оно или нет.

1.5. Здесь же удобно рассмотреть, помимо указанной важной проблемы, некоторые второстепенные. Во-первых, не сделает ли нас этот, назовем его «лингвистический метод» рабами собственной концептуальной схемы (conceptual scheme)? Действительно, с некоторыми авторов случилось именно это (4.3 и сл.). В нашем моральном языке имеется ряд слов, которые я в другом месте поименовал «вторично оценочными словами» (secondarily evaluative words), само употребление которых в оценочном смысле обрекает нас на содержательную моральную оценку. Например, слово «ленивый». Не любящие тяжелую работу либо вообще не употребляют это слово, равно как и его противоположность «трудолюбивый», либо употребляют его чисто дескриптивно (FR 2.7, 10.1 ff.; LM 7.5). Если сконцентрироваться только на таких словах, может возникнуть впечатление, что к принятию определенных норм поведения нас обрекает наша понятийная схема, само значение наших слов, от которого нам никуда не деться. Поэтому и распространена точка зрения, что *всякая* лингвистическая интуиция относительно *любого* морального слова включает в себя моральную интуицию, или что обосновать различие двух этих видов интуиции нельзя.

Но это лишь хитрая уловка. Мы можем вообще не употреблять эти слова или употреблять, но только в чисто дескриптивном смысле, не связывая с ним оценочных убеждений (evaluative commitments), так

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

что принятие морального убеждения (moral commitment) будет в принципе не связано с принятием самого слова (4.3). Помимо вторично оценочных слов в языке существуют такие слова, как “ought” («следует», «должно») и “wrong” («плохо», «неправильно»), в которые не заключено никаких отдельных моральных убеждений. И если мы не хотим быть рабами своего языка, то будет мудро обратить внимание именно на эти более общие слова, выражающие убеждение (commitment) или осуждение. Натуралистические попытки проделать с этими словами тот же самый трюк оказались безуспешными. Если F — вторично оценочное прилагательное осуждения, то мы всегда можем задать вопрос: «допустим, это — F, но *правильно* ли это?» Например, может иметься вторично оценочное употребление слова «справедливо», связанное с нашими интуитивными принципами справедливости (3.6), однако в конечном итоге нам нужно будет решать, является ли определенное действие правильным или нет, а не просто справедливым или несправедливым.

Могут возразить, что даже в случае, если я попытаюсь основать всю систему морального рассуждения на смысле моральных слов, в наименьшей степени связанных с убеждениями (non-committal), я привяжу наше моральное мышление к концептам, наличествующим в нашем языке *случайным образом*. У других народов могут быть иные понятийные схемы, что может порождать иные предписания морального рассуждения, вследствие чего на свои моральные вопросы они будут давать иные ответы.

Очень важно понять, почему это возражение не попадает в цель. Я не утверждаю, что мы обречены употреблять слова только так, как мы их употребляем, или располагать только такой понятийной схемой, которую уже имеем. Но если бы нам пришлось изменить смысл наших слов, нам нужно было бы изменить вопросы, задаваемые в этих терминах, а, возможно, и ответы на них. Мы обращаемся к моральной философии с конкретными моральными вопросами, вопросы же эти ставятся с использованием конкретных концептов. Мы пытаемся ответить на *эти* вопросы, и мы работаем с *этими* концептами. И мы можем пытаться их прояснить; пожалуй, это даже необходимо. Но до тех пор, пока мы не откажемся от самих вопросов, какую бы новую форму слов

мы не предложили для выражения наших вопросов, она должна удовлетворять нас как переформулировка *этих* же самых вопросов (LM 5.8).

Я не могу запретить философу и вообще кому угодно задать вопросы, отличающиеся от тех, которые выражены при помощи моральных слов, употребляемых нами ныне. Эти новые вопросы, возможно, окажутся важными и продуктивными. Но если кто-то не просто задаст новые вопросы в дополнение к прежним, но предложит отказаться от старых, то я потребую, чтобы мне доказали не только что новые вопросы важны, но также и что старые вопросы не важны. Причем я едва ли удовлетворюсь доказательством, если не будет проведено, как минимум, такое же полное исследование старых вопросов, как в этой и в других моих книгах, и при этом будут получены выводы, отличающиеся от моих.

Весьма возможно, что в ходе моего исследования в наших моральных вопросах обнаружатся непоследовательности и, в частности, двусмысленности. Подумайте, например, о том, сколь разные вещи могут означать вопросы «Разве у меня нет права делать со своей собственностью все, что захочу?» (9.2 и сл.) или «Следует ли мне делать то, что я сейчас делаю?» (LM 11.2, FR 5.6). Очень часто в этой книге я буду предлагать прояснение и снятие двусмысленности, что поможет нам более точно определить, что за вопросы мы задаем. При этом, повторю, авторитет относительно того, что мы подразумевали под нашими словами, а, следовательно, и в том, что за вопросы мы задаем, сохраняется за нами, поскольку говорим мы.

Самое главное состоит в том, что, хотя мы можем задавать любые вопросы, какие захочется, но *любой* вопрос будет задан при помощи определенных концептов. И это значит, что, если мы собираемся размышлять над ответом на вопрос рационально, то, *какой бы вопрос мы не задали*, нам потребуются понимание этих концептов. Именно это я и пытался проделать в отношении концептов, обнаружившихся в вопросах, волновавших меня лично и, я уверен, многих других людей (FR 6.5; Moore 1903, 6). Я ни на миг не сомневаюсь в ценности попыток предложить новые и, возможно, более ясные концептуальные схемы, используя которые, можно будет создать логику, которая обеспечит нас моделями процедур практического рассуждения. Я и сам пробовал это

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

сделать (LM 12.1 и сл.). Так или иначе, если кто-либо займется этим, вознамерившись пролить свет на без конца нас тревожащие проблемы морали, то ему придется показать, как можно использовать новые модели и концепты для того, чтобы поставить именно те проблемы, которые представляют для нас трудности. Иначе он к ним даже не приблизится. А этого нельзя сделать, не изучив трудности, представленные уже существующей у нас концептуальной схемой.

Если кто-то не сочтет для себя возможным принять предложенную мной методологию, то ничто не запрещает ему достичь цели, поставленной мною в этой книге, другими методами. Моя же стратегия в том, чтобы раскрыть логику моральных концептов как они есть у нас и показать, что они порождают определенные предписания морального рассуждения, ведущие нас к принятию определенного метода содержательного нормативного морального мышления. Далее (11.1 и сл.) я указываю, в чем смысл (point) обладания этими концептами — или определенными словами нашего языка, — и почему принятие предлагаемого способа говорить и размышлять будет соответствовать нашим интересам. Если же кто-то не согласится с тем, что мною дано верное описание тех моральных концептов, которыми мы уже располагаем, или если он решит, что изучение логики слов обыденного языка непродуктивно, потому что не дает окончательных ответов, а если и дает, то в моральных спорах они не имеют никакой силы, то он может попробовать достичь поставленной цели иначе. Тогда ему придется разработать логику искусственного языка со свойствами, идентичными свойствам логики, которую, я полагаю, имеют слова нашего обыденного [языка]. Затем он покажет, что всякий, кто примется рассуждать на таком языке, должен будет мыслить именно так, как по *моему* описанию заставляют мыслить имеющиеся у нас понятия. И, наконец, он, используя те же аргументы, которые буду использовать я, укажет на преимущества принятия нового языка. Но сей метод приведет к тому, что нам придется убеждать людей принять совершенно новый язык, в то время как мой метод предполагает всего лишь артикуляцию того понимания, которое уже заключено в имеющихся у людей понятиях. И хотя я не думаю, что различие в результатах применения обоих окажутся существенными, мой метод мне нравится больше.

1.6. Итак, я надеюсь, что через исследование смысла моральных слов нам удастся дать логические предписания, которые будут руководить нашим моральным мышлением. Но что же это за логические свойства моральных слов, которые дадут эти предписания? По поводу двух таких свойств я отсылаю к моим прежним трудам, но они же задействованы и на всем протяжении этой книги. Речь идет о так называемых универсализуемости (universalizability) и прескриптивности (prescriptivity) моральных суждений. Оба этих свойства моральные суждения разделяют с другими, неморальными оценочными (evaluative) суждениями. Вторым из них — прескриптивностью — обладают не все моральные суждения, но только основной (central) их класс, однако именно он будет задействован в нашей теории морального рассуждения (LM 8.2, 10.2 и сл.; FR 2.2, 2.8, 3.3). Что такое универсализуемость, можно объяснить разными, но эквивалентными способами. Все сводится к тому, что, если мы выносим различные моральные суждения о ситуациях, относительно которых мы допускаем, что они в своих универсальных дескриптивных свойствах идентичны, то мы противоречим сами себе. Под «различными» я имею в виду «такие, которые будут противоречить друг другу, если они вынесены относительно одной и той же ситуации».

Что такое прескриптивность моральных суждений, можно объяснить формально как такое их свойство: данное суждение подразумевает (entail), по крайней мере, один императив (LM 11.2, 2.2). Но поскольку это предполагает понимание, что есть «императив», каковое, однако, не может быть достигнуто, если сперва не объяснить, что такое «прескриптивный», так бесполезным будет более полное, пусть и менее формальное объяснение. Относительно некоторого действия А, некоторой ситуации S и некоторого лица Р мы утверждаем нечто прескриптивно если и только если Р, открыто согласившись (assent) с нами относительно действия А, в ситуации S действия А не совершает, очевидно с логической точки зрения согласившись неискренне (LM 1.7, 2.2).

Один только факт того, что то, что мы высказываем, может быть представлено в качестве основания (reason) определенного действия, не делает [высказывание] прескриптивным. То, что окна гостиницы выходят на море, может быть представлено как основание для того, чтобы снять

Ларионов И. Ю.

Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.

Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

в ней комнату. Однако сказать это не значит сказать что-то прескриптивно: человек, не любящий вид моря, искренне с нами согласится и снимать комнату там не станет. С другой стороны, если мы говорим, что эта гостиница лучше, чем та, что на противоположной стороне дороги, — то у слов «лучше, чем» будет и такой смысл (прескриптивный смысл), в соответствии с которым человек, очевидно, скажет не то, что думал, если, открыто согласившись с нашим суждением, но оказавшись перед выбором между двумя гостиницами (при том, что остальные условия, включая цену, равны), выберет другую. В том случае, если он, соглашаясь, искренне согласился с некой прескрипцией (something prescriptive), то он, очевидно, полагает нечто лучшим; следовательно, предпочитает это; следовательно, при прочих равных и выберет именно это в соответствующей ситуации (H 1963b, sec.vi). Этот пример несложно изменить так, чтобы смысл «правильно» (right), «следует» (ought) и *a fortiori* «должно» (must) в определенных случаях был прескриптивным.

Также я должен заметить, что буду следовать обыкновению употреблять слова «оценочный» (evaluative) и «суждение о ценности» (value-judgement) по отношению к высказываниям, которые одновременно прескриптивны и универсализуемы (или на самом деле универсальны). Для того элемента смысла суждений о ценности, которым обеспечивается их прескриптивность, я буду употреблять термины «оценочный смысл» (evaluative meaning) и «прескриптивный смысл» (prescriptive meaning). Его присутствие не препятствует тому, что их смысл также может иметь и дескриптивный элемент, вследствие чего в некотором смысле правильным может быть их применение только к определенному виду предметов, но не к другому (FR 2.1 сл.). Но термин «дескриптивные суждения (или утверждение)» я оставляю только для суждений, лишенных какого-либо прескриптивного или оценочного смысла, т.е. смысл которых чисто дескриптивен. Также следует отметить, что не все моральные суждения оценочны или прескриптивны (некоторые всего лишь приближаются к принятым стандартам, но не соответствуют им); и что не все оценочные или универсально прескриптивные суждения моральны (напр. эстетические суждения универсализуемы). Более полно я разъясняю это в других работах (LM 11.2; FR 2.8, 8.2; 3.5).

Для моей позиции не требуется настаивать на том, что напр. “ought” («следует», «должно») *никогда* не употребляется непрескриптивно (это иногда случается) или неуниверсализуемо. Многие слова имеют несколько значений (напр. «все» или «если»). Все, что необходимо, — чтобы имелось признанное значение, при котором слово обладает названными мною свойствами. Тогда задающий моральные вопросы *именно в этом значении* — что, как мне кажется, мы все время и делаем, — будет ограничен логическими правилами, диктуемыми указанными свойствами. Они могут обращаться и к другим вопросам, но это уже совсем иное дело.

<...>⁸

Помимо универсализуемости и прескриптивности у морального языка имеется еще одно логическое свойство: именно оно отличает *моральные* суждения от других оценочных суждений. Я буду называть это свойство «приоритетностью»⁹ (overridingness) <...>. Описание этого отличительного признака слишком сложно, и мы отложим его обсуждение до тех пор, пока я не представлю различные уровни морального мышления. Именно к этому мы и обратимся в следующей главе, а к «приоритетности» мы вернемся в 3-ей.

Список литературы и библиография

Труды Р.М. Хейра

FR — Hare, R.M. *Freedom and Reason*. Oxford Univ. Press, 1963.

LM — Hare, R.M. *The Language of Morals*. Oxford Univ. Press, 1952. Rev. 1961.

H 1963b — Hare, R.M. *Descriptivism* // British Academy 49. Переиздано:

Hare, R.M. Essays on the Moral Concepts. Lnd.: Macmillan, Univ. of California Press, 1963.

⁸ Кратко рассматриваются проблемы, связанные со словами «must» и «ought». — *прим. переводчика*.

⁹ Перевод термина предложен Р.Г. Апресяном (включён в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022). — *прим. переводчика*.

Ларионов И. Ю.
Хеар Р.М. Моральное мышление: его уровни, метод и смысл.
Гл. 1 («Введение»), пер. с англ. Ларионов И.Ю.

- H 1971c — *Hare, R.M. Essays on Philosophical Method*. Lnd.: Macmillan, Univ. of California Press, 1971.
- H 1973a — *Hare, R.M. Critical Study: 'Rawls' Theory of Justice – I and II'* // *Philosophical Quarterly*. 23. Repr. in: *Reading Rawls*. Ed. N. Daniels. Blackwell, 1975.
- H 1977b — *Hare, R.M. Geach on Murder and Sodomy (on 'is'-'ought' inferences)* // *Philosophy*. 52. 1977.
- H 1979a — *Hare, R.M. What Makes Choices Rational?* // *Review of Metaphysics*. 32, 1979.
- H 1979b — *Hare, R.M. Utilitarianism and the Vicarious Affects* // *Philosophy of Nicolas Rescher*. Ed. E.Sossa. Reidel, 1979.
- H 1979e — *Hare, R.M. What is Wrong with Slavery?* Repr. with criticism by G.J. Warnock and reply // *The Domain of Moral Education*. Ed. D.B. Cochrane et al. Ontario Inst. for Studies in Education, Paulist Press, 1979.

Другие произведения

- Aristotle — «Никомахова этика» Аристотеля, ссылки по пагинации Беккера. [Пер. на русский язык: *Аристотель. Сочинения в 4 т.* Т.4. М.: Мысль, 1983].
- Hudson 1969 — *Hudson, W.D. ed. The Is-Ought Question*. Lnd.: Macmillan, 1969.
- Kant 1785 — Kant, I. *Grundlegung zur Metaphysic der Sitten*, translated by H.J. Patton. Hutchenson and Barnes and Noble, 1948. [Цитаты на русском языке по изданию: *Основоположения к метафизике нравов // Кант И.* Сочинения в 4-х тт. на немецком и русском языках. Т. III. М.: «Московский философский фонд», 1997].
- Mill 1861 — Mill, J.S. *Utilitarianism*. 1861.
- Moore 1903 — *Moore, G.H. Principia Ethica*. Cambridge Univ. Press, 1903. [Пер. на русский язык: *Мур Дж. Принципы этики*. М.: «Прогресс», 1984].
- Rescher 1975 — *Rescher, N. Unselfishness*. Univ. of Pittsburgh Press, 1975.
- Sellars 1980 — *Sellars, W. On Reasoning about Values* // *American Philosophical Quarterly*. 17, 1980.